

Д. В. Саввин*

Пропаганда безбожия в Забайкалье и ее последствия для Забайкальской епархии: 1921–1930 годы

Антирелигиозная деятельность «Союза воинствующих безбожников» (СВБ), а также различных государственных и общественных организаций во всероссийском (всесоюзном) масштабе исследована достаточно подробно, однако функционирование этих структур в регионах изучалось мало. Между тем документы СВБ представляют собой исключительную ценность, так как содержат важные статистические данные обо всех религиозных организациях, в первую очередь о православной Церкви. Сопоставляя эти материалы с церковными документами того времени, можно получить относительно полную картину религиозной жизни в 1920–1930-х гг.

Положение Забайкальской епархии во многом отличалось от положения других епархий Русской Православной Церкви. Первые крупные гонения на Церковь в период «военного коммунизма» и в ходе кампании «по изъятию церковных ценностей» практически миновали Забайкалье. В 1920 г. по образцу советских республик была создана Дальневосточная республика (ДВР), в которой также развернулась атеистическая пропаганда. Юридическая база для нее начала формироваться почти сразу после ухода в октябре 1920 г. войск атамана Г. М. Семенова. 23 и 29 ноября 1920 г. Отдел народного образования ДВР выпустил 2 постановления, исключившие Закон Божий из числа изучаемых в школах предметов, разрешив, впрочем, преподавать его в учебных заведениях «для религиозного воспитания»¹. В 1921 г. власти ДВР (причем немалую роль, возможно, играла инициатива на местах) начали массовое изъятие зданий церковноприходских школ и епархиальных учебных заведений.

Как и в РСФСР, коммунистические организации начали устраивать в дни великих церковных праздников (Пасхи, Рождества Христова и др.) оскорбительные для православных митинги и «общественные кампании». Началось активное распространение пропагандистской атеистической литературы,

* © Саввин Д. В., 2007

Дмитрий Владимирович Саввин, Чита.

успешно действовал в этом направлении комсомол. Примечательно, однако, что забайкальские коммунисты вынуждены были бороться с религиозностью и в своих рядах. К этому призывал забайкальский губком февральским циркуляром в 1922 г., предписывая налагать на «провинившихся» дисциплинарные взыскания. Все эти действия в сочетании с мерами административного воздействия имели результат: в Забайкалье появились безбожные общины-коммуны, наметился отход от веры части населения. В обзоре, подготовленном Забайкальским епархиальным советом «О состоянии веры и благочестия в епархии» (1921–1922 г.), указано: «В Александрово-Заводском и других приходах под влиянием агитации, засилья коммунистов и распространения атеистической литературы образуются в селениях коммунистические общины, которые отказываются от исполнения христианских обязанностей и от содержания церкви и клира. В приходе М.-Куналейской церкви люди коммунистических ячеек и много людей (на основании свободы совести) не молятся Богу и не крестятся»². Начавшийся в этот период отход части людей от православия был в Забайкалье едва ли не самым значительным. Однако впоследствии многие вернулись в Церковь (см. ниже). Отход носил относительно добровольный характер: репрессивные методы в ДВР в массовом порядке не применялись.

Тем не менее, несмотря на установку копировать действия большевистского СНК в РСФСР, власти ДВР все же выдерживали некоторое подобие «религиозной терпимости». Они считали, например, полезным сохранить тюремные церкви, влияние которых на заключенных было признано благотворным. Показателен также и тот факт, что к Пасхе 1922 г. Президиум Совета министров ДВР постановил выделить 3 тыс. рублей золотом на подарки бойцам Народно-революционной армии — мероприятие в РСФСР немислимое. В таких условиях пропаганда безбожия не могла достичь значительного размаха.

Ликвидация ДВР в конце 1922 г. и присоединение Забайкалья к РСФСР открыли новую и весьма печальную страницу в истории православной Церкви в Забайкалье. Вхождение ДВР в состав РСФСР совпало по времени с изменением антицерковной политики большевиков. «Кавалерийский наскок», многих аспектов которого Забайкалье избежало, был заменен иной формой борьбы против Церкви, в которой главная ставка делалась на обновленцев и других раскольников (в частности, григориан). Очевидно поэтому после включения территории бывшей ДВР в состав РСФСР антицерковная пропаганда какое-то время не активизировалась. Первые упоминания о ней относятся к 1924 г. Весной (в марте—апреле) 1924 г. при агитпропе Читинского райкома компартии был организован «коллектив антирелигиозников», который устроил в том же году «предпасхальную кампанию»³. Спустя несколько месяцев, в декабре того же года, был создан «коллектив безбожников» при «Горрайкоме» РКП(б) Читы⁴. Одновременно, главным образом силами комсомола, аналогичная деятельность развивалась в сельской местности.

Весной 1925 г. на основе «Общества друзей газеты “Безбожник”» был создан «Союз воинствующих безбожников», который возглавил Е. М. Яро-

славский (М. И. Губельман). В пределах Восточной Сибири и Дальнего Востока деятельность данной организации начала разворачиваться примерно на полтора года позже и не слишком активно. Лишь 2 сентября 1926 г. был создан Временный краевой совет СВБ, как указано в отчетных документах, «по инициативе парторганизации». В октябре 1927 г. были образованы окружные советы СВБ в Чите, Хабаровске, Николаевске, Зейске, на Сахалине и Камчатке. Однако и эта попытка масштабного развертывания деятельности СВБ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке оказалась поначалу неудачной; по признанию самих функционеров СВБ, в 1927–1928 гг. все перечисленные региональные организации то распадались, то воссоздавались⁵.

Можно определенно утверждать, что до 1927 г. СВБ и прочие структуры, на которые была возложена атеистическая пропаганда, фактически не выполняли своих функций. Очевидно, это явилось следствием государственной политики 1-й половины 1920-х гг., времени, по определению Ярославского, «церковного нэпа». В конце 1920-х гг. ситуация изменилась. Несмотря на то что в Забайкальской епархии обновленцы были особенно сильны, к этому времени их влияние существенно снизилось и здесь. Одновременно начала меняться и государственная политика. Весьма примечательные в этом отношении решения были приняты Читинским окружкомом ВКП(б) 2 декабря 1927 г. исходя из того, что «за последнее время замечается усиление деятельности церковников». В связи с этим было дано распоряжение агитпропу окружного отдела ВКП(б) выработать совместно с местным руководством СВБ и представителями «всех заинтересованных организаций» единый план антирелигиозной деятельности. Кроме того, всем партийным ячейкам было приказано вести атеистическую пропаганду, а газетам «Забайкальский рабочий» и «Забайкальский крестьянин» — постоянно размещать на своих страницах соответствующие материалы⁶.

Жалобы местного партийного руководства на «слабость антирелигиозной работы» были не беспочвенны. Как показывают отчеты забайкальских ячеек СВБ за первые месяцы 1928 г., пропаганда безбожия, особенно в селах, велась не слишком активно. Несмотря на то что еще во времена ДВР в некоторых селениях создавались коммунистические общины и имели место случаи закрытия церквей, в целом атеизм пустить корни на забайкальской земле не успел. В этом отношении весьма примечательны секретные сводки СВБ. В отчете по читинском округу указано: «Тихоновцы: численный состав верующих... учесть... весьма трудно, все население, за малым исключением, почти все религиозно, но абсолютное большинство к религиозному строительству относится пассивно, выполняя лишь в силу традиций и обычных порядков религиозные требы». При этом, однако, отмечалось, что «православное духовенство и актив влияние на молодежь утратили, если и имеют таковое, то только на своих детей. Заметен отход от религии даже поповских детей»⁷. Необходимо признать, что замечание о «пассивном» отношении к своему христианскому долгу значительной части православных верующих не лишено оснований. Религиозный индифферентизм среди православного населения Забайкалья в тот период был достаточно распространен. Как отмечал

в своем отчете о религиозно-нравственном состоянии населения в пределах своего благочиния (Акшинского) за 1928–1929 гг. протоиерей Петр Георгиевский, «главнейшим недугом среди верующих служит индифферентизм в делах веры, зарождающееся безбожие, нравственная распущенность и пьянство»⁸. Такое положение, впрочем, не было характерно для всего Забайкалья.

С другой стороны, в секретных отчетах забайкальского подразделения СВБ звучат серьезные опасения в связи с усилением влияния православной Церкви в конце 1920-х гг. Например, в циркуляре читинского окружкома ВКП(б) от 10 января 1928 г., разосланном всем райкомам, говорилось: «Усиливающаяся активность попов и сектантов ставит перед партией задачу усиления работы на антирелигиозном фронте»⁹. Поначалу удалось, очевидно не без употребления административных методов, увеличить численность СВБ в Забайкалье. В январе 1928 г. в 14 ячейках СВБ в Читинском округе состояло 450 членов (в Сретенском округе в 9 ячейках 120 человек)¹⁰. В течение года, с января 1928 по январь 1929 г., в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке удалось формально в несколько раз увеличить число членов СВБ. В Читинском и Сретенском окружных отделах СВБ число членов Союза возросло соответственно с 450 человек до 1759 и со 100¹¹ до 1529. Всего численность «воинствующих безбожников» в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке выросла с 2070 до 8874 человек¹². Методы, которыми действовал СВБ в Забайкалье, были обычными для данной организации. Примечательны рекомендации членам СВБ относительно публичных диспутов с представителями Церкви, мода на которые в конце 1920-х гг. еще не прошла: «Устройство диспутов ячейкам СВБ не рекомендуется, так как диспуты часто не достигают нашей цели — положительного агитационного воздействия на массу верующих»¹³.

Любопытной особенностью работы СВБ было наличие в его распоряжении статистических данных обо всех религиозных организациях, различных документов этих организаций, аналитических отчетов о религиозной жизни в пределах края и т. п. Все эти материалы были помечены грифом «секретно». Очевидно, что они были переданы СВБ (по сути, рядовой общественной организации) местной администрацией или ОГПУ. Конечно, поддержка государством СВБ даже в 1920-х гг. не скрывалась, и наличие названных документов в фондах СВБ является еще одним доказательством такого сотрудничества.

Пропаганда безбожия, начатая РКП(б) в Забайкалье еще в 1921 г., принесла определенные плоды, хотя результаты едва ли могли удовлетворить организаторов кампаний. Церкви закрывались, но случалось это в 1920-х гг. редко (обычно у православных отбирали храмы для того, чтобы передать их обновленцам или григорианам). Имели место случаи хулиганских действий комсомольцев, почему и слово «комсомолец» в епархиальных документах того времени стало синонимом слов «хулиган» и «грабитель». О практике «антирелигиозной борьбы» дают представление письма-отчеты забайкальских священников конца 1920-х — начала 1930-х гг. правящему архиерею. Протоиерей Александр Пляскин писал епископу Читинскому и Забайкальскому Марку (Боголюбову): «30 декабря возвратился в Подойницыно [на свой приход.—

Д. С.]. Хозяева квартиры подали мне конверт с подписью: “попу Александру”. Там написано: “Приказываю тебе в 3 дня убираться из нашего села, иначе убью тебя я”¹⁴. Нередко безбожники на угрозах не останавливались. Так, покушение на о. Евфимия Балабашина было совершено посредством бомбы (весной 1928 г.)¹⁵. Имели место и случаи убийства священников. В конфиденциальном отчете протоиерея Никандра Титова правящему архиерею (1926 г.) сказано, что священник Иоанн был «зверски убит... революционерами»¹⁶.

В конце 1920-х гг. пропаганда атеизма в Забайкалье, как и повсюду в СССР, многократно усилилась. Однако эффекта, ожидаемого местным партийным начальством, это не дало. Более того, положение вещей скорее производило на «воинствующих безбожников» обескураживающее впечатление, ибо одновременно с усилением «антирелигиозной работы» религиозность населения начала повышаться, порой достаточно ощутимо. Весной 1929 г. епископ Читинский и Забайкальский Евсевий (Рождественский) особым циркуляром затребовал от всех приходских священников отчеты о религиозно-нравственном состоянии населения, о храмах, причтах и др.¹⁷ Сведения, содержащиеся в этих отчетах, весьма интересны. С одной стороны, результаты советского владычества в виде падения нравов и нарастания криминальной напряженности отмечают почти все священники (подробнее см. ниже). Но при этом есть ряд сообщений иного рода. Так, в кокуйской православной общине в 1927–1928 гг. числилось почти все население Кокуя, все заключенные браки были венчанные, детей за каждой литургией приобщали по несколько десятков. Как отмечал в своем отчете о. Дионисий Эпов, к причту кокуйцы относились уважительно¹⁸.

Конечно, положение дел в кокуйском приходе можно было считать почти эталонным, во многих других селах обстановка была намного хуже. Тем не менее некие позитивные изменения просматриваются определенно. Характерны в этом смысле слова настоятеля Онон-Борзинского Иннокентиевского прихода о. Иоанна Пляскина: «За эти два года [1927–1929 гг. — Д. С.] наш приход стал как бы получше... чем он был в начале революции»¹⁹. Показательно, что именно в 1928 г., после 12-летнего перерыва, состоялся традиционный крестный ход с чтимой в Забайкалье святыней (ныне утерянной) — Святым Крестом, хранившимся в селе Бырка («поднятие Святого Креста из быркинского прихода»)²⁰. О том, какой эффект давала официальная безбожная пропаганда, очень много говорят слова священника Иоанна Стукова (Быркинский Свято-Никольский приход): «Что же касается безбожия, то ввиду нахождения с[ела] Бырки в центре РИКа [районный исполнительный комитет. — Д. С.], таковое существует, но не внушает особой тревоги, так как есть много фактов обращения из безбожия в лоно Церкви»²¹.

О возвращении к вере недавних безбожников упоминают настоятели разных приходов, что позволяет говорить об этом как о духовном процессе, характерном для Забайкалья в целом. Так, о. Димитрий Зуйков писал, что «вначале [безверие]... было развито в довольно сильной степени, как нечто модное, но впоследствии, а тем более теперь заметно в очень незначительных

размерах». Из Желтуринского прихода писали, что в 1927–1928 гг. к вере вернулись 11 семей. Протоиерей Василий Бенкогенов, благочинный Читинского округа, отмечал, что, несмотря ни на какие трудности, вера в людях стала тверже²². На основании этого можно вполне определенно утверждать, что атеистическая пропаганда, которая началась на государственном уровне в Забайкалье в 1921 г., своей официально декларируемой цели — насаждения материалистического, безбожного мировоззрения — не достигла. Более того, успехи властей в этой области, достигнутые на забайкальской земле в начале 1920-х гг., в конце 1920-х — начале 1930-х гг. были в значительной степени утрачены.

Однако нельзя сказать, что атеистическая пропаганда вовсе не оставила после себя никаких социальных последствий. Если привить забайкальцам атеистическое мировоззрение в основном не удавалось, то всеобщее (или почти всеобщее) падение нравов было налицо. По мнению забайкальского духовенства, связано это было как раз с «антирелигиозной работой» и советским «просвещением». В уже упоминавшемся отчете из Желтуринского прихода об этом сказано весьма красноречиво: «Главное зло новых времен в религиозно-нравственном отношении для Церкви принесли организации комсомольцев, кружков безбожников... читальных [вероятно, избы-читальни.— Д. С.], пионеров... Сквернословие в Бога и святых и ночные оргии с уличными хулиганствами стали обычным явлением. Не стесняется молодежь и запретными половыми сношениями. Такому нравственному упадку помогла наша советская школа, в особенности развратившиеся до корня [слово неразборчиво.— Д. С.] учительницы, как женщины, так и девушки, открыто имеющие своих наложников и открыто сходящиеся с деревенскими парнями и совращающие даже женатиков. За прекращением занятий в школах и отъездом учительниц на летние каникулы как будто бы стало несколько потише»²³. О. Дионисий Эпов также писал о подобных явлениях: «Усилились в разных видах пьянство, разгул, азартные игры... сквернословие, незаконное сожительство, расхождение супругов (разводы)... Общий порок, можно сказать, во всех приходах — это злоба, ненависть друг к другу, в особенности злобствуют бедные на богатых-зажиточных, зажиточные на бедных»²⁴. Такого рода негативные явления упоминаются в большинстве отчетов о религиозно-нравственном состоянии населения.

Таким образом, насаждение атеистического мировоззрения в Забайкальском крае успеха не имело; почти все население, за редким исключением, было религиозно и почитало себя принадлежащим к православной Церкви. Следствием атеистической пропаганды (в том числе и пропаганды безнравственности) и советского «просвещения» стало падение нравов, нивелирование традиционных (в том числе и семейных) нравственных ценностей. Насаждение атеизма осуществлялось через разрушение нравственных устоев общества, морального базиса религиозного мировоззрения. Нравственная деградация, поощряемая государством, быстро приводила к религиозному индифферентизму и уже собственно к безбожию. Естественно, что православная Церковь по самой природе своей была главным препятствием в этом про-

цессе. Пропагандистские методы в сочетании с хулиганством и даже террором (срыв крестных ходов, грабежи церквей, запугивание духовенства) большого эффекта не давали. Логичным продолжением начинавшегося нового витка борьбы большевиков против Церкви стала новая волна уже государственного террора, который и явился главным инструментом насаждения атеизма в СССР, в том числе и в пределах Забайкальской епархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О религиозной политике ДВР см.: *Васильева О. В.* Взаимоотношения государства и Церкви в Забайкалье на территории ДВР в 1920–1922 годах (Выпускная квалификационная работа по кафедре отечественной истории). Чита, 2002. С. 26.
- ² Там же. С. 31.
- ³ *Сидоров А.* Опыт антирелигиозной работы. Боритесь с антирелигиозными предрассудками // *Забайкальский рабочий*. 1924. 12 июня.
- ⁴ *Забайкальский рабочий*. 1924. 4 декабря.
- ⁵ Государственный архив Читинской области (далее — ГА ЧО), ф. Р–633, оп. 1, д. 5, л. 1.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же, л. 65 об.
- ⁸ Там же, ф. Р–422, оп. 1, д. 35, л. 5.
- ⁹ Там же, ф. Р–633, оп. 1, д. 1, л. 19.
- ¹⁰ Там же, д. 5, л. 3.
- ¹¹ В исходном документе наблюдается несоответствие: ранее указывалось, что число членов Сретенской организации СВБ составляло 120 человек, затем — 100. Вероятно, это связано с аморфностью состава данной структуры.
- ¹² ГА ЧО, ф. Р–633, оп. 1, д. 5, л. 5.
- ¹³ Там же, д. 1, л. 30.
- ¹⁴ Там же, ф. Р–422, оп. 1, д. 5, л. 833.
- ¹⁵ Там же, оп. 2, д. 814, л. 7.
- ¹⁶ Там же, оп. 1, д. 5, л. 581.
- ¹⁷ Там же, д. 35, л. 1.
- ¹⁸ Там же, л. 15.
- ¹⁹ Там же, л. 21.
- ²⁰ Там же, л. 22.
- ²¹ Там же, л. 40.
- ²² Там же, л. 49, 58, 144.
- ²³ Там же, л. 58.
- ²⁴ Там же, л. 27.

Приложение 1

**Статические данные о положении православной
Церкви, обновленцев и григориан
в Дальневосточном крае в 1925–1929 гг.
(По материалам читинского окружкома СВБ')**

Годы	Тихоновцы (в % от общего числа)		Обновленцы (в % от общего числа)		Григориане (в % от общего числа)	
	церквей	священ- ников	церквей	священ- ников	церквей	священ- ников
1 января 1925 г.	28	36	72	64	—	—
1 января 1926 г.	42	45	58	55	—	—
1 января 1927 г.	57	63	43	37	—	—
1 января 1928 г.	57,3	57,3	37,1	34,8	2,1	2,4
1 января 1929 г.	52,2	55,9	39,9	37,9	5,8	6,2

Приложение 2

**Статистические данные о религиозных организациях
Дальневосточного края на 1 января 1929 г.
(По материалам Читинского окружкома СВБ²)**

Всего в пределах края учтено 1106 религиозных организаций. В том числе: 1) Обновленцы – 245; 2) ВВЦС – 37; 3) Староцерковники – 330; 4) Баптисты – 193; 5) Адвентисты – 38; 6) Евангелисты – 117; 7) Молокане – 30; 8) Старообрядцы – 90; 9) Католики – 7; 10) Армяне – 1; 11) Протестанты – 2; 12) Иудеи – 8; 13) Магометане – 8.

Из них 22% обновленческих, 30% староцерковников, сектантов [включая старообрядцев.— Д. С.] – 42%.

Служители культа: 1) Обновленцев – 199 [человек]; 2) ВВЦС – 33 [человека]; 3) Староцерковников – 292 [человека]; 4) Баптистов – 228 [человек]; 5) Евангелистов – 148 [человек]; 6) Адвентистов – 51 [человек]; 7) Молокан – 53 [человека]; 8) Старообрядцев – 89 [человек]; 9) Прочих – 16 [человек].

Приложение 3

**Из распоряжения епископа Читинского и Забайкальского
Евсевия благочинным, сделанного по получении отчетов
о религиозно-нравственном состоянии населения (1929 г.)³**

Как негативные стороны епархиальной жизни владыка отмечает: «1) недостаток в церквах псаломщиков; 2) малую посещаемость богослужений верующими, в особенности в разбросанных приходах; 3) неаккуратное исполнение долга бытия на исповеди и св[ятом] Причащении; 4) упадок нравственности среди верующих, особенно среди молодежи; 5) недостаток содержания духовенства и 6) упадок дисциплины среди духовенства».

С целью исправления ситуации архиерей предлагает: «1) Приучить верующих к общецерковному пению за богослужением, особенно к исполнению всеми присутствующими в храме богомольцами литургических песнопений; подыскивать среди местных прихожан способных к чтению и пению лиц и готовить их к исполнению в храме псаломщических обязанностей. 2) Приблизить богослужение к народу путем совершения всенощных бдений, общественных молебнов, акафистов и молебниц... в часовнях и, где возможно, в частных домах, кроме часовенных праздников, и в другие праздничные дни, делая в потребных случаях уведомление гражданской власти... 3) Усиленно проповедовать о необходимости исполнения христианского долга бытия на исповеди и св[ятого] Причащения и разъяснять о возможности исповедоваться и причащаться во все посты и праздничные дни; в неизбежных

случаях причащать верующих запасными Св[ятыми] Дарами, при совершении обедни в селениях, где нет храмов или где они находятся в руках раскольников; ради крайней нужды совершать литургию в часовнях или частных домах, в приличной обстановке, испросив на то в каждом отдельном случае разрешение епископа. 4) Усилить церковную проповедь, сделав ее, согласно постановлению Поместного Собора 1917–1918 гг., составною частью богослужения, для чего руководствоваться печатными проповедями, имеющимися в приходских храмах, для разъяснений истин христианской веры и нравственности пользоваться случаями и при совершении треб, и при посещении домов прихожан со св. крестом. 5) Неопустительно совершать богослужение, что привлечет средства в храм и повысит обеспечение духовенства; исправнее и энергичнее относиться духовенству к своим обязанностям, помня, что в этом случае прихожане внимательней к трудам причта. 6) Всемерно поддерживать духовенству письменное сношение с епископом, зная, что письменные сношения в настоящее время являются почти единственной формой связи со своим архипастырем и что без таковой связи причты окажутся совершенно одинокими; быть отцам благочинным действительными посредниками между епископом и духовенством — не только передаточной инстанцией для распоряжений епархиального начальства, но и авторитетным руководителем причтов на местах, по указаниям епископа, и контролерами приходской деятельности и поведения духовенства».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГА ЧО, ф. Р-633, оп. 1, д. 5, л. 27.
- ² Там же, л. 22–24.
- ³ Там же, ф. Р-422, оп. 1, д. 35, л. 165.